

Anna Andrejevna
AXMATOVA
(1889–1966)

РУССКАЯ КЛАССИКА

Анна
АХМАТОВА

*Стихотворения
Поэмы*

МОСКВА
2016

УДК 82-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
А95

Оформление переплета *Н. Ярусовой*

Ахматова, Анна Андреевна.
А95 Стихотворения. Поэмы / Анна Ахматова. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 608 с. —
(Русская классика).

ISBN 978-5-699-61236-9

Анна Ахматова (1889 —1966) — признанный поэт еще в 20-е годы XX века, человек с драматичной судьбой, подвергалась замалчиванию, травле, цензурированию. Однако еще при жизни ее поэзия была любима миллионами читателей, а имя уже тогда окружала слава среди почитателей поэзии как в СССР, так и за рубежом. Тонкое понимание психологии чувства и осмысление общенародных трагедий XX века и сейчас привлекают читательский интерес к творчеству А. Ахматовой.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

ISBN 978-5-699-61236-9

© Новгородова М.И., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Стихотворения

* * *

*То пятое время года,
Только его славословь.
Дыши последней свободой,
Оттого что это — любовь.
Высоко небо взлетело,
Легки очертанья вещей,
И уже не празднует тело
Годовщину грусти своей.*

1913

А ЮНОСТЬ БЫЛА КАК МОЛИТВА ВОСКРЕСНАЯ

...Родилась я на даче Саракини (Большой Фонтан, 11-я станция паровичка) около Одессы. Морской берег там крутой, и рельсы паровичка шли по самому краю...

...В один год с Чарли Чаплином, «Крейцеровой сонатой» Толстого, Эйфелевой башней и, кажется, Элиотом. В это лето Париж праздновал столетие падения Бастилии — 1889. В ночь моего рождения справлялась и справляется древняя Иванова ночь — 23 июня (Midsummer Night). Назвали меня Анной в честь бабушки Анны Егоровны Мотовиловой.

...Мой отец был в то время отставной инженер-механик флота. Годовалым ребенком я была перевезена на север — в Царское Село.

Мои первые воспоминания — царсосельские: зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал...

Анна Ахматова.

Из «Автобиографической прозы»

* * *

В первый раз я стала писать свою биографию, когда мне было 11 лет, в разлинованной красным маминой книжке для записывания хозяйственных расходов (1900 г.). Когда я показала свои записи старшим, они сказали, что я помню себя чуть ли не двухлетним ребенком...

Анна Ахматова.

Из «Записных книжек»

* * *

...Запахи Павловского вокзала. Обречена помнить их всю жизнь, как слепоглухонемая. Первый — дым от допотопного паровозика, который меня привез... парк, *salon de musique* (который называли «соленый мужик»), второй — натертый паркет, потом что-то пахнуло из парикмахерской, третий — земляника в вокзальном магазине (павловская!), четвертый — резеда и розы (прохлада в духоте), свежих мокрых бутоньерок, которые продаются в цветочном киоске (налево), потом сигары и жирная пища из ресторана.

* * *

Читать я училась по азбуке Льва Толстого. В пять лет, слушая, как учительница занималась со старшими детьми, я тоже начала говорить по-французски...

* * *

Первое стихотворение я написала, когда мне было 11 лет (оно было чудовищным), но уже раньше отец называл меня почему-то «декадентской поэтессой»...

* * *

...Стихи начались для меня не с Пушкина и Лермонтова, а с Державина («На рождение порфирородного отрока») и Некрасова («Мороз, Красный нос»). Эти вещи знала наизусть моя мама.

* * *

Училась я в Царскосельской женской гимназии. Сначала плохо, потом гораздо лучше, но всегда неохотно.

Анна Ахматова.

Из «Автобиографической прозы»

Брак родителей Анны Ахматовой Инны Эразмовны Стоговой и Андрея Антоновича Горенко не был счастливым. Андрей Антонович, красавец и бонвиван, жил в свое удовольствие, не считая, тратил женины, полученные в приданое деньги, не обделял вниманием ни одной хорошенькой молодой женщины. Инна Эразмовна, мучаясь равнодушием мужа и к ней, и к детям, жила как во сне. А дети один за другим заболели туберку-

лезом. От злой чахотки угасла рано вышедшая замуж Инна (1886 — 1905). Ирина, по-домашнему Рика, умерла ребенком, в 1896 году. Затем заболели и старший, Андрей, и Анна, и Ия. Анна выздоровела (Ахматова считала, что с туберкулезом ей помогла справиться увеличенная щитовидная железа), а Ия — умерла, на руках у матери, в Севастополе. Инна Эразмовна обезумела, сраженная горем и крайней степенью нищеты, ей не в чем было похоронить дочь, не было даже рубашки! В 1922-м она перебралась из Севастополя к своей старшей сестре Анне Вакар, под Киев; имение Вакаров было конфисковано, но крестьяне пожалели бедных господ и разрешили им жить в бывшей сторожке лесника. В 1927-м младший сын Виктор, в то время он жил на Дальнем Востоке, вызвал мать к себе.

Анна Андреевна, хотя в семье ее считали отцовой дочкой (за высокий рост, осанку, не женский четкий ум), многое унаследовала и от матери: светлые глаза при темных, очень густых волосах и ресницах, непрактичность, а главное, доброту.

Эскиз к портрету молодой матери, видимо, накануне замужества, Анна Ахматова набросала в одной из «Северных элегий»:

И женщина с прозрачными глазами
 (Такой глубокой синевы, что море
 Нельзя не вспомнить, поглядевши в них),

С редчайшим именем и белой ручкой,
 И добротой, которую в наследство
 Я от нее как будто получила,
 Ненужный дар моей жестокой жизни...

* * *

В 1905 году мои родители расстались, и мама с детьми уехала на юг. Мы целый год прожили в Евпатории, где я дома проходила курс предпоследнего класса гимназии, тосковала по Царскому Селу... Отзвуки революции Пятого года глухо доходили до отрезанной от мира Евпатории. Последний класс проходила в Киеве, в Фундуклеевской гимназии, которую и окончила в 1907 году... Все это время (с довольно большими перерывами) я продолжала писать стихи, с неизвестной целью ставя над ними номера.

Я поступила на Юридический факультет Высших женских курсов в Киеве. Пока приходилось изучать историю права и особенно латынь, я была довольна; когда же пошли чисто юридические предметы, я к курсам охладела.

Анна Ахматова. Из «Автобиографической прозы»

Анна с детства была очень дружна со старшим братом. Тут была не только родственная приязнь, но и глубокое духовное родство. Дружил с Андреем Андреевичем и Николаем Гумилев. По странному стечению обстоятельств, именно Николай Степанович сообщил Ахматовой о смерти любимого брата (Андрей Горенко покончил с собой в 1920 году, в Афинах, после того, как умер его единственный ребенок).

В молодости Анна Ахматова не любила ни вспоминать, ни рассказывать о своем отнюдь не розовом детстве. Не любила и ранних стихов, они казались ей чудовищными. Настолько чудовищными, что однажды она их сожгла, пощадив лишь несколько стихотворений, посвященных Николаю Гумилеву. Потом, правда, пожалела и попыталась восстановить по памяти сожженные строки.

ИЗ ПЕРВОЙ ТЕТРАДИ

Отрывок

Всю ночь не давали заснуть,
Говорили тревожно, звонко,
Кто-то ехал в далекий путь,
Увозил больного ребенка,
А мать в полутемных сенях
Ломала иссохшие пальцы
И долго искала впотьмах
Чистый чепчик и одеяльце¹.

* * *

...С Аней мы познакомились в Гунгербурге, довольно модном тогда курорте близ Нарвы. Аня была худенькой стриженной девочкой, ничем не примечательной, довольно тихонькой и замкнутой.

¹ То, что любую нужную и повседневную вещь в их безалаберном доме искали долго и находили с трудом, Анна отметила с недетской зоркостью. Одна из приятельниц Андрея Антоновича Горенко свидетельствует: «Странная это была семья... Куча детей. Мать, богатая помещица, добрая, рассеянная до глупости, безалаберная, всегда думавшая о чем-то другом... В доме беспорядок. Едят когда придется, прислуги много, а порядка нет. Гувернантки делали, что хотят. Хозяйка бродит, как сомнамбула. Как-то, при переезде в другой дом, она долго носила в руках толстый пакет с процентными бумагами на несколько десятков тысяч рублей и в последнюю минуту нашла для него подходящее место — сунула пакет в детскую ванну, болтавшуюся позади воза. Когда муж узнал об этом, он помчался на извозчике догонять ломового. А жена с удивлением смотрела, чего он волнуется, да еще и сердится». Анна, в детстве сильно привязанная к отцу, в отрочестве была целиком на стороне матери.

Дружба пришла позже, когда мы жили в одном и том же доме в Царском Селе, близ вокзала, на углу Широкой улицы и Безымянного переулка.

Аня писала стихи и очень изменилась внутренне и внешне. Стала стройной, с прелестной хрупкой фигурой, с черными, длинными и густыми волосами, прямыми, как водоросли, с большими светлыми глазами, странно выделявшимися на фоне черных волос и темных бровей и ресниц. Она была неутомимой скиталицей-пешеходом, лазала как кошка и плавала как рыба.

*Из воспоминаний В. Срезневской,
в девичестве Тюльпановой*

* * *

Ночь моя — бред о тебе,
День — равнодушное: пусть!
Я улыбнулась судьбе,
Мне посылающей грусть.

Тяжек вчерашний угар,
Скоро ли я догорю,
Кажется, этот пожар
Не превратится в зарю.

Долго ль мне биться в огне,
Дальнего тайно кляня?..
В страшной моей западне
Ты не увидишь меня.

1909
Киев

ЗАБЫТОЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЕ

Глаза безумные твои
И ледяные речи,
И объяснение в любви
Еще до первой встречи.

1909(?)

* * *

Пестро вертится карусель,
И какие-то новые дети
Из еще не бывших столетий
Украшают в Сочельнике ель.

*Из черного варианта
«Поэмы без героя»*

Валерия Срезневская, в ту пору еще Валечка Тюльпанова, видимо, была не совсем в курсе дела, утверждая, что *Коля* в тот Сочельник впервые увидел Аню Горенко. Судя по стихотворению Ахматовой, где она говорит об «*объяснении в любви еще до первой встречи*», Гумилев, гимназист 7-го класса, еще раньше обратил внимание на подругу Валечки — зеленоглазую, черноволосую, сказочной гибкости и худобы грустную диковатую девочку — и, не зная ее имени, окрестил русалкой.

* * *

Встречу в Сочельник 1903 года никогда не забывал и Николай Гумилев, несмотря на все свои многочисленные любовные приключения. В плане книги о

Николае Гумилеве, человеке и поэте, которую Ахматова не успела окончить, главка о начале их отношений обозначена так: «Дафнис и Хлоя (Царско <сельская> ид<иллия>)».

Дафнис и Хлоя — образ из посвященного Ахматовой стихотворения Гумилева «Современность» (1911 год):

Я закрыл «Илиаду» и сел у окна.
На губах трепетало последнее слово.
Что-то ярко светило — фонарь иль луна,
И медлительно двигалась тень часового.

Я так часто бросал испытующий взор
И так много встречал отвечающих взоров,
Одиссеев во мгле пароходных контор,
Агамемнонов между трактирных маркеров.

Так, в далекой Сибири, где плачет пурга,
Застывают в серебряных льдах мастодонты,
Их глухая тоска там колышет снега,
Красной кровью — ведь их — зажжены горизонты.

Я печален от книги, томлюсь от луны,
Может быть, мне совсем и не надо героя...
Вот идут по аллее, так странно нежны,
Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя.

ЧИТАЯ «ГАМЛЕТА»

1

У кладбища направо пылил пустырь,
А за ним голубела река.
Ты сказал мне: «Ну что ж, иди в монастырь
Или замуж за дурака...»